

О многих он говорил: «мой друг». Сознаюсь, и обо мне так говорил.

Конечно, он имел право выбирать какие-угодно слова для выражения своего чувства к кому бы то ни было. Но весь ужас в том, что многие, кого Толстой называл «друзьями», приняли этот термин, так сказать, в его полном объеме и двустороннем значении и, в свою очередь, стали называть Толстого: «мой друг». Уже при большевиках, когда культурный уровень в России вообще резко упал, мне приходилось видеть в Москве и в провинции афиши: «Друг Л. Н. Толстого такой-то... (следовала иногда очень известная фамилия) прочтет лекцию» и т. д. Случалось, что и мне предлагали так афишироваться.

Но я не находил и не нахожу слов, чтобы достаточно протестовать против такого кощунства! Ну, какие мы все, или многие из нас, «друзья» Толстого?! Расстояние между им и нами слишком велико.

По крайней мере, по отношению к себе, 23-летнему юноше, в период пребывания в Ясной Поляне, я это особенно живо чувствовал. Я мог считать Льва Николаевича своим отцом, наставником, учителем, но... не «камрадом».

Многие указывали, что все так называемые «друзья» Толстого были не очень крупными фигурами, чтобы не сказать больше. И, пожалуй, это правда.

Является, однако, вопрос: откуда же это «ослепление» у Толстого в выборе друзей?!

«Ослепления», конечно, никакого не было. Наименование «другом», причисление к «друзьям» просто было, по большей части, выражением бесконечной доброты Льва Николаевича и бесконечной, ино-